

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

Институт мировой литературы имени А.М.Горького

АНДРЕЙ БЕЛЫЙ.

Публикации. Исследования

Москва
ИМЛИ РАН
2002

Редактор-составитель
А.Г. Бойчук

Рецензенты:

доктор филологических наук *Н.А. Богомолов*
доктор филологических наук *М.В. Михайлова*
кандидат филологических наук *М.В. Козьменко*

Андрей Белый. Публикации. Исследования. — М.: ИМЛИ РАН, 2002. — 366 с.

Сборник публикаций и исследований, посвященных жизни и творчеству Андрея Белого (Бориса Николаевича Бугаева, 1880–1934), подготовлен на основе материалов двух международных научных конференций, прошедших в ИМЛИ РАН в октябре 1993 и октябре 1994 гг. В отдельном разделе представлены архивные публикации произведений Белого — повесть «Пробуд» (1928) и юношеская поэма «Фонтан», новонайденные фрагменты его эпистолярия и др. В исследовательских работах, в числе авторов которых — ученые России, США, Израиля, Италии, Японии, рассматривается широкий спектр проблем, связанных с различными аспектами наследия Белого — прозаика, поэта, литературного критика и теоретика символизма. Публикуется также библиографический указатель «Андрей Белый, 1986–1993». Книга адресована специалистам-филологам, а также всем, кто интересуется отечественной литературой и культурой Серебряного века.

© Коллектив авторов, 2002
© Институт мировой литературы
им. А.М. Горького РАН, 2002

ISBN 5-9208-0127-1

Юношеская поэма Андрея Белого «Фонтан»

Предисловие и публикация А.В.Лаврова

Первые стихотворные опыты Андрея Белого относятся к концу 1895 — началу 1896 г. Большинство его юношеских стихотворений и поэм не дошло до нас, лишь малая часть их — в переработанном виде — была включена в первую поэтическую книгу «Золото в лазури» (1904). Собранные в творческой тетради 1897–1901 годов, содержащей два раздела — «Лирические отрывки (в прозе)» и «Лирические отрывки (в стихах)»¹, — ранние стихотворные произведения Белого до недавнего времени не публиковались и оставались вне исследовательского внимания. Лишь одно из юношеских неизданных стихотворений — «В лодке» («Лодка скользила вдоль синих озер...», декабрь 1900 г.) — было помещено в томе Андрея Белого, изданном в Большой серии «Библиотеки поэта»². Около тридцати ранних стихотворений опубликовал в подготовленном им фундаментальном издании поэтического наследия Белого Джон Мальмстад³ (в текстологических комментариях к изданию приводятся также по автографам ранние редакции стихотворений, включенных в «Золото в лазури»), — однако за пределами этого издания остался целый ряд ранних поэтических опытов будущего мастера, в том числе и поэма «Фонтан».

Позднейшее ироническое и пренебрежительное отношение Андрея Белого к своим юношеским стихотворным упражнениям было вполне объяснимым. Из всех форм художественного творчества, которые он опробовал в поздние гимназические и ранние студенческие годы, стихи были, пожалуй, наименее самостоятельной; в сравнении же с одновременно создававшимися «симфониями», открывшими новые горизонты в художественном освоении действительности, они могли показаться откровенно ученическими и беспомощными. Если в «симфониях» Белый заявил о себе индивидуальной, никаких аналогий в литературе не имевшей писательской манерой, то в его ранних стихах эмоциональная непосредственность, напротив, сочеталась со стилизованными штампами и откровенными заимствованиями из чужого поэтического арсенала. Преобладающие минорные настроения стихотворений Белого конца 1890-х годов (тоска, отрешенная созерцатель-

ность, трепетные ожидания неведомого) облекаются в формы традиционных романтических медитаций и не менее традиционного элегического пейзажного лиризма:

Вот лунные ласки
На листьях берез задрожали...
Вот милые сказки
В полночном шептанье звучали...

Вот чудные грезы
Прошли над унылой равниной...
И снова березы
Поникли седою вершиной...

(1899 г. Март)⁴.

Наряду с отечественными образцами для подражания (главным образом Фет) Белый-стихотворец старается заимствовать и опыт новейших иностранных «властителей дум». Первые собственно «декадентские» инъекции в его поэтических пробах пера проходят под знаком Бодлера, Верлена и Метерлинка. Октябрем 1899 г. датировано его «Подражание Бодлеру», в котором на смену убаюкивающим лирическим созвучиям приходит контрастная им образная стихия:

О! Знаете ли вы
Пучину диссонансов,
Раскрытую, как пасть,
Между тернистых скал?
И пляску бредную
Уродливых кадансов?
И тихо плачущий
В безумстве идеал?⁵

Посвященные Метерлинку стихи, сочиненные в мае 1901 г., также можно было бы назвать «подражанием Метерлинку» — поскольку они всецело навеяны мотивами поэзии бельгийского символиста:

Ветер, полный кручины,
Гнет лесные вершины,
Нам грозя...
Сердце бьется невольно...
Ветер, ветер, довольно!...
Так нельзя!...

Ветер умер... Все видно
С виду все безобидно —
— Но не верь...
Бог весть! Всяк в чаще бродит...
Знаю, кто нас обходит,
Что за зверь!..

— и т.д.⁶

Небольшая поэма «Фонтан», написанная в 1901 г.⁷, демонстрирует еще одно направление в подражательных опытах начинающего стихотворца. Заимствованная стилистика романтического ориентализма обнаруживает в ней и вполне конкретные прообразы: налицо следы воздействия пушкинского «Бахчисарайского фонтана», сказывается и влияние Лермонтова — прежде всего «Демона». Однако поэма Белого, сотканная из стилевых клише и заведомо «чужих» коллизий, образов и интонаций, вбирает в себя и мотивы, характерные для раннего «симфонического» творчества ее автора. В центре поэмы — не романтический терей-любовник и не столь же романтическая «демоническая» натура, а отрешенный от мира и чуждый его соблазнам «святой отрок», проповедующий перед народом и перед сильными мира сего; возглашаемые им откровения выводят из условно-декоративного мира непосредственно к «симфоническим» медитациям «самозванного пророка» Андрея Белого, к мистическим откровениям «эпохи зорь» — переживавшимся им наиболее интенсивно именно в год работы над «Фонтаном». Заведомо вторичное по всем «литературным» параметрам, это произведение отражает на свой лад подлинное содержание духовной жизни его автора — притом ее самое главное, определяющее в ту пору содержание: упоение «священной грезой», устремленность к «красе иного бытия». Впрочем, и центральный образ, давший заглавие поэме, обретет позднее в творчестве Андрея Белого вполне авторское, самостоятельное звучание, сохранив свои, заданные в юношеском произведении, смысловые контуры: в четвертой «симфонии» «Кубок метелей» (1907) со всей-изобразительной щедростью живописуется фонтан — «мраморный гений», призванный «струить в поднебесье хрустальное время»⁸.

Поэма «Фонтан» публикуется по автографу из творческой тетради Андрея Белого (РГБ. Ф. 25. Карт. 1. Ед.хр. 1. Л. 179–185 об.).

4.

¹ РГБ. Ф. 25. Карт. 1. Ед. хр. 1.

² См.: *Белый А.* Стихотворения и поэмы / Вступ. статья и сост. Т.Ю.Хмельницкой. Подгот. текста и примеч. Н.Б.Банк и Н.Г.Захаренко. М.; Л., 1966. С. 463.

³ См.: *Белый А.* Стихотворения. Т. II. Несобранное, переработанное и неопубликованное / Hrsg., eingel. und komment. von John E. Malmstad. Munchen, 1982. С. 57–70.

⁴ Там же. С. 62.

⁵ Там же. С. 63.

⁶ РГБ. Ф. 25. Карт. 1. Ед. хр. 1. Л. 169 об. — 170.

⁷ В ретроспективной записи об августе 1901 г. Белый отмечает: «Пишу поэму «Фонтан» (утрачена)» (*Белый А.* Ракурс к дневнику // РГАЛИ. Ф. 53. Оп. 1. Ед. хр. 100. Л. 11). Возможно, он подразумевает в данном случае перебеленный автограф произведения — если не предполагает, что утрачена творческая тетрадь, содержащая рукопись «Фонтана» (на деле сохранившаяся в его архиве).

⁸ *Белый А.* Симфонии. Л., 1991. С. 297.

ФОНТАН

I

Вдали огонь закатных риз
Блестит^a чуть видною улыбкой,
Не дрогнет сонный кипарис,
Пролепетав вершиной зыбкой...
И только пенный водомет
Свои фантазии поет.
То — сладкий сон, фантом^b седой,
Игра жемчужин драгоценных,
Потоки слез^c воздушно-пенных,
Над неподвижною водой
Летают струи вверх и вниз.
И пылью смочен кипарис.
То это — шепот о былом,
То — вдохновенье ночи южной,
Мечта о счастье ином,
Плач бесконечный, шепот дружный^d,
Молитва чи<с>тая за всех,
Раскатистый фонтанный смех.

Кто грустно голову склонил?
Кто там сидит в одеждах белых,
Окаменев в мечтах несмелых
У бледномраморных перил,
И шепчет: «Вижу, вижу я
Красу иного бытия».
Его молитва так тиха!
Душа горит мечтой безгрешной:
Жизнь прозябанья и греха
Смешила маскою потешной!...
И памятью былых утех
Ему звучит фонтанный смех.
То это — шепот о былом,
То — вдохновенье ночи южной,

^a Было: а Поґас

б Горит

^b Было: фонтан

^c Незачеркнутый вариант: Потоки струй

^d Было: Плач непрерывный, но ненужный

Печаль ребенка, смех жемчужный,^a
[Мечта о счастье ином...^b
А в небесах бриллианты звезд
Сложились дружно в Южный Крест.^c]

1901 года август.

Сер<ебряный> Кол<одезь>

II

Как весть о счастье ином,
Блестит денница молодая,
В тумане бледно-голубом
Лучом серебряным сверкая,
Воздушнопенный водомет
Свои фантазии поет,
И вверх, и вниз летит струя...
Звучат веселые напевы <?>...
Идут к фонтану жены, дѣвы,
Старухи, дети и мужья,
Сосуды захватив с собой,
За чистой, свежею водой.
Объяты веяньем весны,
Вдруг видят отрока святого;
На землю ставят кувшины.
На фоне неба золотого,
Не веря заспанным очам,
Внимают пламенным речам.

С печатью неба^d на челе
Он говорит: «Прощай, бывшее!
Доселе мир лежал во зле...
Отныне солнце золотое,
Взойдя, растопит всякий грех —
Своим теплом согреет всех.
Проходит ныне всякий сон...
Восстань, как Бог, над прежней бездной!
Иди дорогою надзвездной!
Смотри — далекий небосклон

^a Было: а как в тексте

^b Плач бесконечный и ненужный

^b Далее было начато: Забвение

^c Созвездие Южного Креста играет роль Полярной звезды в Южном полушарии (Примечание Белого).

^d Незачеркнутый вариант: С печатью мудрой

Уже купается в крови,
Чтоб вспыхнуть заревом любви.
Ночной, туманною грозой
Проходит ныне образ мира...
Какою яркою красой
Горит пунцовая порфира!
И, братья, вижу, вижу я
Красу иного бытия».

И много отрок говорил
С безмирно-синими очами
Под голубыми небесами
У бледно-мраморных перил.
Народ в безмолвии стоял,
Народ почтительно внимал.
Был в небе словно храм отверзт.
Всходило солнце золотое.
Над синей тучей яркий перст
Вознесся в небо голубое.
Жемчужной пеной бил фонтан
Сквозь бледно-розовый туман.

III

И все, что прежде он открыл,
Внимая чудным песнопеньям,
Все, что молил, чем горд он был,^a
Чего добился отреченьем —
Все тесно он совокупил,^b
Священной грезой вдохновенный.^c
Повсюду глас благословенный
В край безза^{ка} >тный, в край нетленный
Мечту будил и возносил.
И шли к нему со всех концов,
Бросая жен, детей, отцов.
К нему обиженный бежал

^a *Было:* И все, что прежде он узнал,
Внимая чудным откровеньям,
Что пережил, перестрадал

^b *Далее было:* И [обо всем заговорил]

^c *Далее было:* а Среди народа он блуждал...

б Среди народа он ходил...

Несправедливым приговором,
И он речам его внимал,
Смеясь лазурно-ясным взором,
И вдохновенным разговором
Мечту страдальца окрылял,^a
[Сжигая горе. Оттого
Повсюду славили его.]
Над этой бедною страной
Давно желанное светило
Любовь<ю> вечной восходило,
Зажегши в мире мир иной...

...И все, что сердцу было мило,
Дрожало вещью струной...

III^b

Шумел фонтан волшебным сном
Перед огромнейшим дворцом
Кроваво-красного гранита.
Там^c ряд колонн из малахита
Поддерживал высокий свод
Неописуемых красот.
В бассейн с водой из львиной пасти,
Как искрометная змея,
Полна напевов жгучей страсти,
Летела чистая струя.
Почтенный царь сидел на троне
В своей серебряной короне,
С высоко поднятым челом
В прощальном блеске заревом.
И с ним царица молодая
Сидела рядом... И на ней
Была корона дорогая
Из бриллиантовых камней.
В очах красавицы царицы
Дрожали черные зарницы.
Призванный царским повеленьем,
Здесь, перед троном он стоял

^a Было: Иное счастье открывал...

^b Авторский сбой в нумерации фрагментов.

^c Было: Где

И с неподдельным увлечением
Царя седого поучал.
Он говорил: «Как сон земной,
Проходит ныне образ мира.
Любовью светит^а молодой
Вдали нетленная порфира.
Великий царь, с тобой, как брат,
Священный день я встретить рад!
Владыко сильный! зло и тень
Лежит у ног потешной маской,
И бесконечно дивной сказкой
Зажегся беззакатный день.
Иди дорогою надзвездной!
Восстань, как Бог, над прежней бездной!»

Летела чистая струя
В бассейн с водой из львиной пасти,
Как искрометная змея,
Полна напевов жгучей страсти.
Гудел призывно тихий шум,
Рой позабытых, грустных дум.
Луна взошла над рощей маслин.
Он говорил: «От вечных битв,
От слез, от гнева, от напраслин
Народ вздохнет среди молитв».
Поникла царская жена,
Увлечена мечтой нездешней.
Он кончил. Полная луна
Сияла скорбью безутешной.

Надменно царь захохотал
И головою покачал:
«Дух разрушительный, тлетворный
Нравоученья твоего
Среди народа моего,
Раб хитроумный, раб притворный,
Я пресеку!... Из этих стран
Беги скорей, беги в изгнание —
Пришлец без роду и названья,
В стране посеявший обман».

^а Было: Любовью дышит

Он вышел. Полная луна
В тень кипарисов утонула.^a
Поникла царская жена
Главой внезапно и вздохнула.^b
Над царским садом плыл туман.
Воздушной пеной бил фонтан.

IV

Вдали холодный вихрь ревет^c
И стороною гонит грозы,
А водомет ему поет
Свои серебряные грезы...
Как месяц, мысль его тиха!^d
Душа горит мечтой безгрешной...
Жизнь прозябанья и греха
Слетела маскою потешной.
Он говорит: «Прости их всех!»
И памятью былых утех
Ему звучит фонтанный смех.
Лишь солнце красное взойдет,
Пророк покинет страны эти,
А уж далекий небосвод
Чуть-чуть алеет на рассвете.
А уж в тумане голубом
Встает денница молодая,
Окрестность ровно озаряя
Своим серебряным лучом.

Кто там в одежде снежно-белой
Походкой стройной и несмелой
Идет вдоль мраморных перил...
И он воскликнул: «Боже сил».

В очах у вспыхнувшей царицы
Сверкнули черные зарницы;

а В окне плыла мечтой нездешней.

б В окне плыла мечтой безгрешной.

в Увлечена мечтой нездешней.

г Убита скорбью безутешной.

д Холодный вихрь вдали ревет

е Как месяц, мысль его ясна!

Своей мечтой увлечена,
Пред ним склонилась она.
Несется^a шепот робкий, страстный:
«Любовью тайною горя,
К тебе я, юноша прекрасный,
Ушла от грешного царя.^b
Ты будешь мой или ничей,
Я за тобой пойду в изгнание...
Я поняла знаменованье
Твоих восторженных речей!^c
Туман расходитя под нами!...

Он головою покачал
И молча на нее взирал
Безмирно-синими очами...

...И от него, в тоске рыдая,
Пошла царица молодая...

И долго жалобы неслись...
И он ей вслед смотрел с улыбкой...
Качнулся сонный кипарис,
Пролепетав вершиной зыбкой,
Вздохнув о счастья ином
В тумане бледно-голубом...

Безмирно-огненный и жгучий,
Воздушный перст взлетел <?> над тучей,
Сиял на небе золотом...

V

...Почтенный царь сидит на троне
В своей серебряной короне...

Главу свою владыко сильный
Склонил на старческую грудь,
Как раб ничтожный и бессильный,

^a Было: И слышит

^b Было: а Я убежала от царя.

^b Начато: Пришла

^c Далее было начато: Пусть солнце

Шепча: «Былого не вернуть».
За днем опять проходит день.
Луною грусть восходит снова...
Все тот же образ, та же тень
Невозвратимого былого...
...За днем опять проходит день...

...Как вдаль умчавшаяся птица,
Как мимолетная зарница,
Угасла юная царица!...
Царь помнит все... Была весна...
Царица вдруг затосковала...
Как тень, печальна и бледна,
По целым дням она молчала
И тихо, тихо умирала...
«Прощай до скорого свиданья...
Меня зовет куда-то вдаль
Пришлец без роду и названья...
Ты не поймешь мою печаль!...
— Однажды мужу и царю
Она с улыбкой говорила. —
Меня влечет иная сила,
Иную вижу я зарю!...
Сквозь образы минувших дней
Везде сквозит седая Вечность»...

...Она скончалась... И над ней
Простерла крылья бесконечность...
И царь с непобедимой силой
Рыдал над свежеею могилой.